

Нужды Сибири.

Г. Н. Потанина.

Въ нуждахъ Сибири нужно различать нужды общія у области съ остальными частями имперіи и нужды мѣстныя, предъявляемыя только одной сибирской жизнью. Въ изданіи, посвященномъ изложению нуждъ Сибири, первое мѣсто слѣдуетъ уступить выясненію мѣстныхъ областныхъ нуждъ, а нужды общія могутъ быть отодвинуты на второй планъ. Вопросъ о мѣстныхъ нуждахъ раскальваетъ сибирскую журналистику на два лагеря. Подъ сибирской журналистикой въ этомъ случаѣ я разумѣю всѣ газеты и журналы, издающіеся въ Сибири или для Сибири, безъ различія, кто издастъ ихъ, уроженецъ Сибири или не уроженецъ. Одна часть сибирской журналистики первостепенное значеніе придавала общерусскимъ вопросамъ, а специально сибирскіе вопросы считала маловажными, а иногда даже отрицала существованіе ихъ.

Другая часть отдавала предпочтеніе изученію чисто мѣстныхъ вопросовъ. Журналистовъ первой категоріи можно назвать централистами, второй—автономистами. Голосъ послѣдней группы почти всегда тонулъ въ общей сибирской журналистикѣ, и это всякому будетъ понятно, если онъ обратить вниманіе на составъ сибирской интеллигенціи; она въ подавляющемъ количествѣ состоитъ изъ пришлыхъ, не сибирскихъ элементовъ.

Особенные мѣстныя нужды вызываются особенностями во внѣшнемъ бытѣ и въ народномъ духѣ мѣстного населенія. Поэтому въ сибирской прессѣ временами дебатировался вопросъ, имѣеть ли Сибирь особенности въ сравненіи съ европейской Россіей. По отношенію къ этому вопросу Сибирь дѣлится на двѣ части, на Сибирь инородческую и на Сибирь русскую. Относительно инородческой Сибири централисты не спорятъ; они признаютъ существованіе у нихъ бытовыхъ особенностей, признаютъ за инородцами право на

далънейшее развитіе этихъ особенностей и на культурное обосо-
бленіе отъ остальной имперіи. Не столь безспорнымъ кажется имъ
вопросъ о русскихъ жителяхъ Сибири. Отличается ли русское на-
селеніе Сибири какими бытовыми особенностями, вызывается ли
этими особенностями необходимость для русской Сибири особаго
законодательства, требуется ли для нея особый законодательный
корпусъ? Сибирские автономисты решаютъ этотъ вопросъ въ положительномъ смыслѣ, централисты оспариваютъ такое рѣшеніе.

Опираясь на отсутствіе этнографическихъ особенностей русского
населенія Сибири отъ великорусского населенія европейской Россіи,
противники сибирскихъ автономистовъ допускаютъ необходимость
особыхъ законодательныхъ учрежденій для нѣкоторыхъ крупныхъ
инородческихъ племенъ, для киргизъ, бурятъ, якутовъ и пр., но
русское населеніе Сибири, по ихъ мнѣнію, не довольно выдѣляется
изъ великорусского племени вообще и должно жить общею съ нимъ
законодательной жизнью. Автономисты, не оспаривая мнѣнія, что
для русского племени въ Сибири не существуетъ особаго національ-
наго вопроса, тѣмъ не менѣе настаиваютъ на существованіи особен-
ностей въ экономической и общественной жизни Сибири. Эти особен-
ности существуютъ одинаково какъ для русского племени, такъ и
для инородцевъ, почему сибирские автономисты и настаиваютъ на
необходимости учрежденія одного общаго законодательного корпуса
для всей Сибири съ подчиненіемъ ему инородческихъ учрежденій,
снабженныхъ сравнительно съ общей сибирской думой ограниченной
законодательной властью, а появившійся въ сибирской журналистикѣ
проектъ снадбить законодательными учрежденіями только инород-
ческія племена, русскихъ же жителей Сибири оставить въ вѣдѣніи
центральной государственной думы, находятъ лишеннымъ органи-
ческой симметріи.

Особенности сибирской жизни частью временныя, потому что
устраненіе ихъ зависитъ отъ центральной законодательной власти,
другія постоянныя, коренящіяся въ организмѣ сибирского населенія.
Къ временными относятся обращеніе Сибири въ штрафную колонію,
ужасающая отсталость въ просвѣщеніи и въ экономической жизни,
постоянная потеря молодыхъ умственныхъ силъ, вслѣдствіе отсут-
ствія въ краѣ высшихъ специальныхъ учебныхъ заведеній и т. п.
Эти отрицательные стороны сибирской жизни устранимы и если не
въ близкомъ, то въ отдаленномъ будущемъ Сибирь будетъ уравнена
съ другими областями Россіи, но какая бы полная нивелировка
ни была достигнута, этимъ не будетъ уничтоженъ залогъ обосо-
бленія Сибири. Сибирь слишкомъ большой придатокъ къ территории
Европейской Россіи; русские люди, обитающіе на этомъ придаткѣ, не

могутъ не чувствовать, что они живутъ въ особыхъ условіяхъ. У терри-
торії Сибири, какъ ни сходна она во многихъ чертахъ съ Евро-
пейской Россіей, собственно съ сѣверной ея частью, все-таки свой
фізический организмъ, и люди, живущіе въ зависимости отъ этого
особаго организма, должны чувствовать солидарность между собой и
въ то же время чувствовать, что эта солидарность связываетъ ихъ
между собой прочнѣе, чѣмъ съ жителями другихъ областей имперіи.
Цементомъ для такого сплоченія областныхъ жителей могутъ слу-
жить одни экономические и культурные интересы безъ національной
подкладки.

У инородческихъ племенъ эта солидарность усиливается, конечно,
національными особенностями. Пробужденіе русскимъ освободи-
тельнымъ движеніемъ, инородческія племена Сибири предъявляютъ
свои права на культурное самоопредѣленіе. У русскихъ въ Сибири
право на такое самоопредѣленіе централістами отрицается. Объ
отдѣльно русско-сибирской жизни и о литературѣ для удовлетвор-
енія ея потребности гадать не полагается. Проблески сепаратизма
въ области литературы и искусства кажутся дѣтскими фантазіями,
лишеными реальной почвы, причемъ подъ реальной почвой разу-
мѣется традиція, принесенная изъ метрополіи въ колонію, а не
та новая обстановка, въ которой очутились колонисты на новой
родинѣ.

Извѣстная теорія, что потребности тѣла и духа формулируются
подъ вліяніемъ физическихъ условій населаемой страны, должна
быть примѣнена и къ Сибири. Если физическая условія Сибири
тѣ же, что въ Европейской Россіи, то сибирская культура и си-
бирское искусство должны создать тождественные произведенія съ
произведеніями Европейской Россіи, но если эти вѣнчанія вліянія
другія, то и творческая дѣятельность сибирского ума и воображенія
должны пробить особое русло.

Главный факторъ въ природѣ, который обусловливаетъ физіо-
номію страны, климатъ. Онъ обусловливаетъ флору страны и ея
пейзажъ, фауну и наконецъ культуру человѣка. Изученіе сибир-
ского климата показало, что разница между нимъ и климатомъ
Европейской Россіи громадна. Климатъ Сибири въ высшей степени
континентальный, сухой, тогда какъ въ Европейской Россіи сильно
чувствуется вліяніе океана, хотя и не такъ, какъ въ западной
Европѣ. Контрастъ между климатомъ Сибири и Европейской Россіи
если и не болѣе, то по крайней мѣрѣ не менѣе, чѣмъ между
климатомъ Европейской Россіи и западной Европы.

Правильное понятіе о сибирскомъ климатѣ и о разницѣ между
климатомъ Сибири и Европы впервые далъ К. Веселовскій въ его

капитальномъ сочиненіи „Климатъ Россіи“. Весь сѣверъ нашего полуширія получаетъ влагу изъ Атлантическаго океана; дождевыя тучи и въ Россіи и въ Сибири приносятся юго-западными вѣтрами, т. е. со стороны Атлантики. Воздухъ, густо насыщенный океаническими испареніями, вступивъ съ юго-западнымъ вѣтромъ на материкъ и слѣдя далѣе внутрь, постепенно начинаетъ осаждать свою влагу на земную поверхность и чѣмъ далѣе проникаеть онъ въ глубь материка, тѣмъ бѣднѣе становится онъ испареніями, тѣмъ онъ суще. Въ Москвѣ воздухъ суще, чѣмъ въ Петербургѣ, въ Казани суще, чѣмъ въ Москвѣ, въ Томскѣ суще, чѣмъ въ Казани, еще суще онъ въ Иркутскѣ, и, наконецъ, самый сухой климатъ мы находимъ въ Якутскѣ. Эта особенность Сибирскаго климата сильно и разнообразно отражается на природѣ и на человѣкѣ. Вымытое бѣлье, вновь построенный домъ въ Сибири скорѣе просыхаютъ, чѣмъ къ западу отъ Урала. Фортепьяно, завезенные въ Иркутскѣ, вскорѣ разсыхаются и особая столярная мастерская специально занята переборкой разсыпающихся инструментовъ. Периоды цвѣтенія растеній болѣе сжаты, весна протекаетъ въ Сибири быстрѣе, и вообще растительный сезонъ короче. Цвѣтенія различныхъ видовъ болѣе сближены и весенний коверъ Сибири пестрѣе.

Малое содержаніе паровъ въ сибирскомъ воздухѣ дѣлаетъ его необыкновенно прозрачнымъ. Миддендорфъ, путешествовавшій въ сѣверо-восточной Сибири въ 1843 и 1844 годахъ, разсказываетъ, что, вернувшись въ Петербургъ, онъ замѣтилъ, что онъ не видѣть въ телескопѣ, который онъ возилъ въ Сибирь, тѣхъ звѣздъ, которые онъ видѣлъ въ Сибири; онъ подумалъ, что стекла въ телескопѣ попорчены и отправилъ инструментъ къ оптику, чтобы заново отшлифовать стекла; но оптикъ возвратилъ телескопъ назадъ; оказалось, что шлифовка стеколъ была въ полной сохранности, и все дѣло объясняется тѣмъ, что небо другое, что ранѣе Миддендорфъ смотрѣлъ на прозрачное якутское небо, а теперь передъ нимъ было тусклое петербургское. Этой же прозрачностью сибирскаго неба Миддендорфъ былъ склоненъ, отчасти, объяснить и пресловутый анекдотъ, который разсказывается другой путешественникъ Врангель, какъ во время наблюденія астронома надъ покрытиемъ Юпитеромъ одного изъ своихъ спутниковъ, юагиръ, посмотрѣвъ въ ту часть неба, куда былъ направленъ телескопъ, простымъ глазомъ увидѣлъ явленіе и закричалъ: „большая звѣзда сѣла маленькою!“ Морской офицеръ, которому было поручено разставить маяки по берегамъ Байкала, имѣлъ возможность разставить ихъ на разстояніяхъ, о которыхъ на другихъ морахъ не мечтаютъ; въ прозрачномъ воздухѣ этого озера свѣтъ маяка ви-

день на разстояні 60-70 верстъ. Вслѣдствіе той же прозрачности, пейзажъ въ Сибири яснѣе, очертанія горъ отчетливѣе; литераторъ Сѣрошевскій возвращаясь въ Россію изъ Якутской области изъ своей тринацдатилѣтней ссылки, проѣзжая черезъ Ураль былъ удивленъ неотчетливостью его горныхъ видовъ по сравненію ихъ съ Якутскими; сначала онъ думалъ, что горы подернуты туманомъ, но потомъ убѣдился, что такой пейзажъ—постоянное здѣсь явленіе и причина этому здѣшній воздухъ, менѣе прозрачный, чѣмъ въ Якутскѣ. Сибирское небо если уступаетъ въ глубинѣ лазури южному небу, то во всякомъ случаѣ превосходитъ по своей красотѣ небо казанское, московское и пр., словомъ небо въ пунктахъ, лежащихъ на одной широтѣ съ Сибирью къ западу отъ нея. Гости Сибири, явившіяся въ нее съ запада, находятъ ея вечернія зори и лунныя ночи красивѣе западныхъ. Звѣзды ночного неба въ Сибири кажутся крупнѣе.

По теплопрозрачности сибирскій климатъ до нѣкоторой степени приближается къ альпійскому. Въ Иркутскѣ во время декабря поверхность предметовъ испытываетъ такую силу солнечныхъ лучей, что снѣгъ на крышахъ таетъ и образуется капель. Альпійскія растенія спускаются здѣсь въ долины ниже, чѣмъ въ Швейцаріи. Въ ближайшихъ окрестностяхъ города Иркутска въ лѣсу растутъ рододендроны, а на поляхъ альпійскій палевый макъ, который спонтанейно засѣвается и въ садахъ самого города. Нѣкоторые наблюдатели находятъ, что цвѣты сибирскихъ полей роскошнѣе и окраска ихъ ярче. И дѣйствительно, тролліусы въ Сибири окрашены въ оранжевый цвѣтъ, а не въ желтый, какъ въ Европейской Россіи; на эту разницу указываютъ и ихъ сибирскія названія: „огоньки“, „жарки цвѣты“ и „рудо-желтые цвѣты“, т. е. кровавожелтые.

Также и желтый козлобородникъ (*Tragopogon*) въ Сибири переходитъ въ оранжевый. Отличные фотографические снимки съ сибирскихъ видовъ не всегда обязаны своимъ отчетливымъ исполненіемъ только искусству мастеровъ; сибирскій фотографъ имѣть добросовѣстнаго помощника въ лицѣ прозрачнаго сибирскаго воздуха. Дань удивленія могуществу сибирскаго солнца А. П. Чеховъ уплатилъ очаровательнымъ художественнымъ описаніемъ одной сибирской картинки. Онъ слѣдилъ, какъ сибирская женщина мѣсила тѣсто; солнце черезъ окно обливало своими лучами и тѣсто и ея руки и художнику-писателю казалось, будто сибиричка мѣсить тѣсто на солнечныхъ лучахъ.

Сибирики привыкли къ яркому свѣту своего солнца и любятъ солнопекъ; деревянные дома въ Иркутскѣ и Томскѣ поражаютъ своимъ обилиемъ оконъ; простѣнки между окнами уже самихъ

оконъ—типическая черта томскихъ и иркутскихъ деревянныхъ построекъ; новые люди въ Сибири, прошедше изъ-за Урала, протестуютъ противъ этого солнцепоклонничества туземцевъ, но томскій врачъ-гигиенистъ Макушинъ становится на сторону сибиряковъ и находить такие изрѣщенные окнами сибирские фасады гигиеничными. Этотъ геліотропизмъ еще сильнѣе выражается у дѣтей. Сибирская дѣти, завезенная въ туманный Петербургъ для помѣщенія въ образцовая учебныя заведенія столицы, сильно жалуются на слабость петербургскаго свѣта и въ первые дни одолѣваютъ матерей жалобами: „Мама, здѣсь не славно! *) Солнца нѣть!“

Какъ для глаза ощущенія тоновъ красокъ, тѣней и деталей рисунка, такъ для уха сибирскій воздухъ дѣлаетъ болѣе отчетливыми ощущенія звука. Свистки пароходовъ и паровозовъ въ сибирскомъ воздухѣ раздаются чище. Миддендорфъ говорить, что въ якутскомъ зимнемъ воздухѣ шаги человѣка, идущаго по снѣгу, слышны на разстояніи двухъ верстъ.

Особенности сибирского климата неизбѣжно должны отразиться на искусствѣ, если оно возникаетъ на сибирской почвѣ. Въ живописи, надо предполагать, Сибирь дастъ хорошихъ колористовъ. Въ томъ же направлениі скажется вліяніе природы и на сибирской музикѣ, какъ въ композиціи, такъ и въ техникѣ.

Но не только русское творчество, подчиняясь вліянію сибирскихъ физическихъ условій, дастъ новое видоизмѣненіе, а и самъ русскій человѣкъ въ своей физической природѣ на новой родинѣ несомнѣнно долженъ видоизмѣниться. Вѣру въ то, что изъ русскаго человѣка въ Сибири образуется новый этнографическій типъ, уже высказывалъ Пыпинъ. Воздѣйствіе сибирского климата уже отмѣчено на организмахъ культурныхъ растеній. Относительно пшеницы наблюдатели открыли, что зерно сибирской пшеницы вырабатываетъ болѣе клейковины, чѣмъ русская. О клеверѣ пишутъ, что въ сибирскихъ условіяхъ клеверъ теряетъ въ развитіи листьевъ, но зато сибирское сѣмя клевера ядренѣе, почему агрономы рекомендуютъ сибирскимъ крестьянамъ культуру клевера не въ разсчетѣ на умноженіе корма для скота, а для продажи сѣмянъ, такъ какъ немецкіе сельско-хозяева предпочитаютъ сѣмена клевера изъ восточныхъ частей Россіи своимъ. Если растенія испытываются вліяніе сибирского климата, то, вѣроятно, подчиняются ему и животные, а вмѣстѣ съ ними и человѣкъ. Сдѣлано наблюденіе, что въ сухихъ климатахъ у людей развивается нервная раздражительность и слабѣе бываетъ развита лимфатическая система.

*) Сибирскій провинціализмъ: не хорошо!

Въ климатѣ Сибири прочный залогъ обособленія сибирскаго населенія какъ въ физическомъ, такъ и въ духовномъ отношеніяхъ. Нѣкоторые публицисты, принимавшіе участіе въ сибирской полемикѣ о культурномъ самоопределѣніи Сибири, выдвигали противъ своихъ противниковъ автономистовъ идею о нивелирующемъ вліяніи цивилизациі, особенно о вліяніи желѣзныхъ дорогъ, стирающихъ вліяніе культурныхъ и національныхъ особенностей. Но смѣна азиатскаго халата на европейскій сюртукъ еще не означаетъ упраздненіе національности и можно быть узкимъ націоналистомъ въ сюртукѣ и благороднымъ космополитомъ въ халатѣ. Правильнѣе та мысль, что цивилизациіа нивелируетъ народы только въ вѣнчаной культурѣ и то можетъ быть только въ извѣстной степени, но въ области духа ведеть къ расхожденію типовъ; цивилизациіа даетъ выходъ наружу скрытымъ богатствамъ народнаго духа. Клевету на желѣзныя дороги, будто они уничтожаютъ народныя особенности, а не развиваются ихъ, уже отпарила въ свое время покойный украинскій публицистъ Драгомановъ (въ своей книжѣ „Россія и Польша“).

Когда проводить дорогу черезъ сибирскую тайгу, то дѣлаютъ просѣку, и чтобы осушить полотно дороги, и справа и слѣва отъ нея роютъ рвы для стока воды; выброшенная изъ рвовъ земля образуетъ два вала, которые тянутся непрерывно и справа и слѣва вдоль дороги. На этихъ отвалахъ земли вырастаетъ высокая и густая трава, во время цветенія превращающая оба отвала въ непрерывные цветники. Восхищеніе, въ которое приводятъ роскошь и блескъ этой растительности, подало поводъ сибирскому поэту Омулевскому написать стихотвореніе, которое начинается словами:

И направо цветы, и налево цветы
Будто зашелъ я въ запущенный садъ...

Но стоитъ ступить два шага въ сторону отъ этихъ цветниковъ, т.-е. въ тайгу, оставшуюся въ прежней неприкосновенности, и вы не увидите ничего, кроме зыбuna и мочаговъ, мховъ и осоки; а между тѣмъ сѣмена для придорожныхъ отваловъ дала тайга, т.-е. растенія тѣхъ же видовъ, роскошно окрашенные цветы которыхъ превращаютъ отвалы въ „запущенный садъ“. Но въ тайгѣ они разсѣяны отдельными былинками между мочагами, разъединены большими разстояніями и потому не замѣтны. Улучшеніе путей сообщенія и проведеніе ихъ въ захолустья, не затронутые просвѣщеніемъ дѣлаютъ съ интеллектуальными силами населенія то же самое, что дорога, проложенная черезъ тайгу, дѣлаетъ съ таежной флорой.

Что же касается до нивелирующаго дѣйствія дорогъ, то, конечно, никакая желѣзная дорога не въ состояніи отмѣнить воздѣй-

ствий климата на человѣка. Климатъ самый упорный, самый за-
коснѣлый сепаратистъ и ничто не помѣшаетъ ему вопреки шови-
нисткимъ, обруслительнымъ и т. п. вожделѣніямъ образовывать расу,
если въ немъ самомъ есть особенности.

Буквально, а не иносказательно „въ воздухѣ виситъ“ сибирскій
сепаратизмъ. Это вполнѣ бесспорная истина, если разговоръ идетъ
не о политическомъ, а о культурномъ сепаратизме. Всякая область,
какъ бы скромны не были ея размѣры, въ предѣлахъ культуры,
искусства и умственной жизни имѣть право на самостоятельное,
независимое отъ остальныхъ частей государства, развитіе своихъ
силъ. Если область мало чѣмъ отличается отъ другихъ, то и это
немногое не должно заглохнуть, и оно должно получить обработку,
должно быть сдѣлано годнымъ для всеобщаго употребленія. Тѣмъ
больше право это имѣютъ области съ такой обширной территоріей,
какъ Сибирь, отличающейся многими физическими и общественными
особенностями. Относительно инородческихъ племенъ Сибири этотъ
вопросъ стоитъ иначе, противники сибирскихъ автономистовъ не
возражаютъ противъ культурного и даже національного самоопре-
дѣленія этихъ племенъ. Это право за нерусскимъ населеніемъ нужно
признать во первыхъ въ узкихъ интересахъ самихъ этихъ племенъ;
для нихъ необходимо общественное возрожденіе для своей защиты
въ борьбѣ за существованіе; во вторыхъ умственная и обществен-
ная дѣятельность этихъ племенъ, развиваясь оригинально, внесетъ
что-нибудь новое въ общую сокровищницу человѣческаго духа. Если
эта производительность не будетъ плодовита, то все таки ея плоды
будутъ интересны; это будутъ оригинальныя произведенія, продукты
сибирскаго ума, воспитанного картинами тундры и тайги.

Если мы вѣримъ, что для человѣческаго общества будуть инте-
ресны своеобразныя рѣшенія инородческаго ума, то почему не ду-
мать, что будетъ имѣть свою цѣнность и то, что будетъ выработано
въ сибирской атмосфѣрѣ русскимъ умомъ? Что будетъ создано, изо-
брѣтено, продумано и прочувствовано русскимъ человѣкомъ, пере-
одѣвшимся въ оstaцкую малицу и якутскіе торбаса или русскимъ
человѣкомъ, превратившимся въ горца въ алтайскихъ и саянскихъ
ущельяхъ?

Въ умѣ русскаго жителя Сибири живеть неизгладимое сознаніе,
что онъ живеть не на родинѣ того ядра русскаго народа, которое
создало русское государство, русскую литературу, русскую полити-
ческую жизнь, и ему не побороть въ себѣ желаніе продолжать
творческую работу русскаго племени въ формахъ не старыхъ, а
новыхъ, соотвѣтствующихъ его новой обстановкѣ. Это преломленіе
русскаго народнаго духа подъ лучами сибирскаго солнца не обѣд-

нить, а только обогатить русскую жизнь. Ничего не быть удивительного въ томъ, что съ распространениемъ просвѣщенія въ Сибири и съ пробужденiemъ чувства гражданскаго долга, у русскихъ уроженцевъ Сибири появились сепаратистическая идеи, т.-е. что они стали выдѣлять свои обязанности передъ сибирскимъ населеніемъ отъ обязанностей передъ русскимъ государствомъ. Чувство обособленности, которое неизбѣжно должно было явиться на новой территории должно было вызвать законное и полезное стремленіе къ соревнованію съ другими русскими областями. Должна была появиться мѣстно-патріотическая пресса, свои „литературныя мечтанія“; желаніе, чтобы народились свои поэты, свои художники, свои музыканты, свой театръ. Вмѣстѣ съ этимъ литературнымъ и артистическимъ сепаратизмомъ долженъ оказаться и сепаратизмъ въ публицистикѣ; должно появиться обсужденіе мѣстныхъ экономическихъ и общественныхъ нуждъ, обнаруженіе отрицательныхъ сторонъ мѣстной жизни, раскрытие неравноправія съ другими областями, и за-тѣмъ защита интересовъ мѣстного населенія, стремленіе достигнуть уравненія въ правахъ и культурныхъ успѣхахъ съ другими областями, протестъ противъ всякой несправедливости, учиняемой въ отношеніи области.

Въ этихъ формахъ, дѣйствительно, и проявилась областная центробѣжная сила Сибири. Въ тридцатыхъ годахъ появляются первые литераторы сибиряки; въ это время появляются повѣсти изъ сибирской жизни и нѣкоторыя изъ нихъ написаны уже сибиряками. Эти первыя сибирскія повѣсти почти лишены общественнаго значенія и совсѣмъ лишены художественного и потому для историка русской литературы не имѣютъ никакого интереса, но исторія развитія самосознанія Сибири должна упомянуть о нихъ, какъ о первыхъ приступахъ сибирской мысли къ работѣ. Время съ тридцатыхъ годовъ до шестидесятыхъ было періодомъ литературного пробужденія Сибири, но количество литературныхъ произведеній за этотъ тридцатилѣтній періодъ было ничтожно и достоинство того, что Сибирь поставила на книжный рынокъ за это время очень низко. Литературная весна Сибири не похожа на весну сибирской природы. Эта литературная нищета Сибири и такіе длинные роды этой литературы легко объясняются составомъ сибирского общества. Сибирь „мужицкое море“, такъ называлъ ее ея уроженецъ публицистъ Г. З. Елисѣевъ; крестьянство образуетъ широкіе низы сибирского общества, надъ нимъ слой интеллигенціи, которая не прикреплена къ области, такъ какъ она не вырастаетъ изъ нѣдръ мѣстного общества, а пополняется изъ Европейской Россіи и потому чувствуетъ себя чуждой области; значительнейшая часть этой интеллигенціи,

состоящая изъ чиновниковъ, черезъ каждыя десять лѣтъ смѣняется, переводится въ Европейскую Россію, на свою старую родину. Купечество также не отлагаетъ прочную интеллигенцію, не даетъ устойчивыхъ фамилій. Промышленныхъ предпріятій, которыхъ бы надолго приврѣпляли богатую фирму къ области, въ Сибири мало.

Сибирская буржуазія преимущественно состоитъ изъ лицъ, занимающихся торговлей, а капризы торговли то внезапно возводятъ фамилію изъ низовъ общества въ самые верхи его, то послѣ двухъ, трехъ поколѣній снова возвращаютъ ее въ низы. Вслѣдствіе этой неустойчивости сибирской интеллигенціи некому было пробудить въ сибирскомъ крестьянствѣ интересъ къ просвѣщенію, и оно, богатое, обеспеченное, сравнительно съ крестьянствомъ Европейской Россіи, до сихъ поръ не выдѣлило интеллигенцію изъ своихъ собственныхъ рядовъ.

Въ шестидесятыхъ годахъ, вмѣстѣ съ Ядринцевымъ, рождается сибирская публицистика; начинаютъ выходить патріотическія газеты: „Сибирь“ въ Иркутскѣ, „Восточное Обозрѣніе“ въ Петербургѣ, редактируемое самимъ Ядринцевымъ и „Сибирская Газета“ въ Томскѣ. Ядринцевъ поднимаетъ рядъ областныхъ сибирскихъ вопросовъ, протестуетъ противъ приниженнаго и подчиненнаго положенія области, протестуетъ противъ ссылки, которая оскорбляетъ чувство сибирского патріота, противъ эксплоатаціи областного богатства въ исключительно государственномъ интересѣ, противъ колоніальной политики правительства. Ядринцевъ создалъ сибирскую журналистику, сообщилъ ей серьезный тонъ, поставилъ ее на путь общественного служенія. Въ это время сибирская литература обогатилась беллетристикой нового характера (романъ „Шагъ за шагомъ“ Омулевского, романъ „Николай Негоревъ“ Кущевского, раз cntы изъ народнаго быта Наумова). Въ нихъ уже отражается броженіе общественной мысли, чего въ произведеніяхъ прежняго периода не было, но дрожжи и на этотъ разъ были не свои, не сибирскія. Сибирская интеллигенція еще жила исключительно общими интересами съ остальной Россіей, мѣстные вопросы только впервые ставились Ядринцевымъ, а потому отраженія чисто мѣстныхъ желаній, чисто мѣстныхъ заботъ и печалей въ сибирской беллетристикѣ той эпохи нечего было и ждать.

Ядринцевъ имѣлъ друзей, которые около него составили кружокъ сибирскихъ сепаратистовъ. Исповѣданіе этого кружка, главнымъ образомъ, заключалась въ культурномъ сепаратизмѣ; молодые друзья Ядринцева ставили своей задачей проводить мысль о выдѣленіи Сибири въ области искусства и въ кругу общественныхъ идей. Они мечтали осуществить сепаратизмъ въ живописи,

музыкѣ, въ театрѣ, литературѣ, въ патріотизмѣ, въ материальной культурѣ и въ духовной жизни. Такой культурный сепаратизмъ не только не вредить для общаго отечества, напротивъ, онъ желателенъ, потому что превращаетъ безжизненную мертвую область въ живой организмъ, одаренный творчествомъ.

Культурный сепаратизмъ, при извѣстныхъ обстоятельствахъ, можетъ привести, конечно, къ идеѣ о полномъ отдѣлении области отъ государства. Въ отношеніи интересовъ человѣческаго прогресса вообще и политической сепаратизмъ ничего не заключаетъ въ себѣ пагубнаго, но съ точки зрѣнія государственной власти, наблюдающей за цѣлостью государства, онъ правильно представляется опаснымъ. Есть грань, которая, съ точки зрѣнія государственной власти, отдѣляетъ въ областномъ сепаратизмѣ легальное отъ нелегального.

Молодые друзья Сибири шестидесятыхъ годовъ не умѣли отдѣлить культурный сепаратизмъ отъ политического, или не хотѣли изъ чувства брезгливости къ голосу разсудка въ гражданскомъ дѣлѣ; въ своихъ думахъ о будущемъ Сибири они не могли разсортirовать легальное и нелегальное. Первые же дни существованія кружки сибирскихъ сепаратистовъ были омрачены судебнымъ преслѣдованиемъ.

Въ 1864 г. правительство открыло существованіе сепаратистовъ въ Омскѣ, Томскѣ, Красноярскѣ и Иркутскѣ. Найдены были двѣ рукописныя прокламаціи, въ которыхъ говорилось объ отдѣлении Сибири отъ Россіи и сибирское общество приглашалось даже къ вооруженному возстанію. Одна была найдена въ Омскѣ, другая въ Иркутскѣ. Первою была открыта омская, съ нея и сыръ борь загорѣлі. Омскій кадетъ Г. Усовъ нашелъ въ письменномъ столѣ своего старшаго брата, казачьяго офицера Фед. Ник. Усова, завалившійся между бумагами листокъ почтовой бумаги, на которомъ былъ набросанъ проектъ воззванія къ сибирскому населенію. Кадетъ унесъ прокламацію въ кадетскій корпусъ, какъ любопытную вещицу, ничего не сказавъ своему брату. Корпусное начальство случайно нашло прокламацію въ карманѣ кадета и передало ее жандармамъ. Было назначено слѣдствіе, послѣдовалъ рядъ обысковъ, во-первыхъ, въ квартирѣ казачьяго офицера Усова, во-вторыхъ, у его друзей въ Томскѣ; затѣмъ рядъ арестовъ лицъ, имена которыхъ были найдены въ захваченной перепискѣ, а также въ Красноярскѣ и Иркутскѣ. При обыскахъ въ одной квартирѣ въ Иркутскѣ была найдена другая прокламація. Болѣе десятка молодыхъ людей было арестовано и свезено въ Омскъ, гдѣ была образована слѣдственная комиссія. Громко пронеслось по сибирскимъ городамъ извѣстіе о дѣлѣ, которое преувеличенно было озаглавлено: „Дѣло

о злоумышленникахъ, возымѣвшихъ намѣреніе отде́лить Сибирь отъ Россіи и основать въ ней республику на манеръ съверо-американскихъ штатовъ".

Самое преступное, что было открыто слѣдствіемъ въ этомъ дѣлѣ, это были, конечно, прокламаціи. Кто ихъ авторъ, осталось для судей невыясненнымъ. Объ иркутской прокламаціи Шашковъ рассказалъ, что онъ привезъ ее изъ Петербурга. Впослѣдствіи въ кругу сепаратистовъ появилось преданіе, что эта прокламація, написанная въ сильно грубыхъ выраженіяхъ, была сочинена иркутскимъ купцомъ Степаномъ Поповымъ, который въ молодости былъ либераломъ, вмѣстѣ съ Андреемъ Бѣлоголовымъ былъ пайщикомъ въ изданіи первой частной въ Сибири газеты „Амуръ“, выходившей въ Иркутскѣ, а кончилъ свою карьеру ханжей и сотрудникомъ епархіальныхъ вѣдомостей. Объ омской прокламаціи, можетъ быть, зналъ что-нибудь Ядринцевъ, который былъ знакомъ съ О. Н. Усовымъ и часто бывалъ у него въ Омскѣ, но я никогда не имѣлъ съ нимъ разговора объ этомъ.

Прокламаціи не были напечатаны, остались въ рукописи и никто не распространялъ ихъ, кромѣ кадета, самовольный поступокъ котораго нельзя вмѣнять въ вину составителямъ прокламаціи и приравнивать къ серьезной политической пропагандѣ.

Другое обвиненіе, тяготѣвшее надъ сепаратистами, состояло въ томъ, что они распространяли устно, въ разговорахъ со своими знакомыми о возможномъ въ будущемъ отдѣлении Сибири отъ Россіи. Конечно, никакихъ активныхъ дѣйствій, никакого подготовленія къ этому отдѣленію не предпринималось; кромѣ развѣ стараній пріобрѣсть шрифтъ для того, чтобы напечатать прокламаціи. Разговоры объ отдѣленіи велись не въ видѣ конспирацій, а для того, чтобы сдѣлать общезвѣстной, широкораспространенной мысль, что въ отдаленномъ будущемъ Сибирь можетъ существовать особо отъ Европейской Россіи. Сепаратисты хотѣли привлечь вниманіе сибирского общества къ мѣстнымъ областнымъ нуждамъ, хотѣли пробудить въ немъ мѣстный патріотизмъ.

Казалось, что какую картину будущаго благополучія области ни нарисуй, она не увлечетъ сибирского общества, не заставитъ его задуматься надъ судьбой своей области. Представленіе же о независимомъ сибирскомъ государствѣ вызоветъ радикальный переворотъ въ умахъ, сдвинетъ ихъ съ мѣста и заставитъ ихъ работать. Даже и самая прокламація, конечно, были написаны исключительно съ цѣлью произвести только сенсацію въ сибирскомъ обществѣ. Сепаратисты думали: пусть сибирское общество сразу отвергнетъ идею объ отдѣленіи Сибири, но возникнетъ громкое дѣло, обратить вни-

маніе общества на идею и оно задумается объ униженномъ положеніи своей области, а это-то и главное. Одно дѣло написать на знамени только: отмѣна ссылки, освобожденіе отъ экономического порабощенія фабричной Москвой и прекращеніе абсентеизма молодыхъ людей, словомъ, только перечесть сибирскіе вопросы, и другое дѣло — приписать къ этимъ требованіямъ еще отдѣленіе Сибири; совсѣмъ иное впечатлѣніе: воззваніе какъ будто произнесено болѣе мужественнымъ голосомъ. На эти рукописныя сибирскія прокламаціи ни историкъ, ни судья не могутъ смотрѣть, какъ на подготовленіе къ отдѣленію Сибири отъ Россіи; это было подготовленіе къ возбужденію въ сибирскомъ обществѣ критического отношенія къ положенію колоніи.

И еще было одно обвиненіе, но его нужно совсѣмъ снять съ сепаратистовъ. Ихъ обвиняли въ составленіи тайного общества подъ названіемъ „Сибирскій кружокъ“. Поводъ къ обвиненію былъ такой. Въ шестидесятыхъ годахъ сибиряковъ, выѣхавшихъ учиться въ Петербургъ, почти не было, по въ 1859 г. въ Петербургъ уже былъ небольшой кружокъ Щукина, у которого онъ и собирался разъ въ недѣлю. Собиралось человѣкъ шесть, семь, въ томъ числѣ сибиряковъ было только четыре. Съ отѣзгомъ Щукина въ Сибирь кружокъ разсыпался и возобновился съ прїездомъ Ядринцева. Назвать этотъ Ядринцевскій кружокъ тайнымъ обществомъ было большимъ преувеличеніемъ. Это были обыкновенные, въ политическомъ отношеніи невинные студенческие журфикссы, на которые студенты собирались выпить пива и попѣсть студенческія пѣсни. Были приложены старанія, чтобы соединить на этихъ журфиксахъ всѣхъ сибиряковъ изъ всѣхъ высшихъ учебныхъ заведеній; не набралось и тридцати.

Такъ какъ привлекали всѣхъ, какихъ бы кто взглядовъ ни держался, лишь бы сибирякъ былъ родомъ, то большинство кружка состояло изъ беспечныхъ въ гражданскомъ отношеніи буршей. Правда, все они были настроены революціонно, но это настроеніе имѣло исключительно лирическій, преходящій характеръ. Два, три человѣка старались занять эту веселую компанію общественной задачей, но эта задача не была нелегальной; ставили въ обязанность каждому вернуться на родину, посвятить свою жизнь на изученіе ея нуждъ, на распространеніе въ Сибири прогрессивныхъ идей и на создание въ ней новыхъ условій жизни, выработанныхъ наукой Запада. Да и это все совершалось исключительно въ области разговоровъ. Единственная попытка перейти отъ разговоровъ къ дѣлу заключается въ проектѣ издать, какъ начало издательской для Сибири дѣятельности, особый сибирскій календарь, не подпольный, а подцензурный, по-

литически - благонадежный календарь. Впоследствии въ восьмидесятыхъ годахъ Ядринцевъ устраивалъ такія будто-бы „тайныя общества“ еженедѣльно; въ его квартире въ Петербургѣ по четвергамъ сибиряки, преимущественно молодежь, собирались на журфиксъ и настроение собирающейся тогда молодежи было, разумѣется, гораздо революціоннѣе, чѣмъ въ шестидесятыхъ годахъ.

Дѣло сепаратистовъ кончилось судебнымъ приговоромъ; одиѣ изъ нихъ былъ присужденъ на 5 лѣтъ на каторгу, остальные пошли въ ссылку съ лишениемъ правъ; ссылаемые были размѣщены по уѣзднымъ городамъ Архангельской и Олонецкой губерній. Такъ поплатились сибирскіе сепаратисты за свое увлеченіе служеніемъ Сибири, за свое стремленіе къ изученію нуждъ Сибири и ихъ удовлетворенію. До ссылки сибирскіе сепаратисты были почти совсѣмъ не свѣдущи въ мѣстныхъ сибирскихъ дѣлахъ; литература о Сибири только что ставила вопросы о сибирскихъ нуждахъ и разработка ихъ вся ожидалась только въ будущемъ.

Можно сказать, что Ядринцевъ и его друзья потерпѣли кару исключительно за одну свою любовь, выразившуюся въ однихъ только помыслахъ. Лѣтъ черезъ пять Ядринцевъ получилъ свободу, возвратился изъ ссылки въ Петербургъ и только тогда началась его работа по выясненію сибирскихъ нуждъ. Онъ началъ поднимать одинъ сибирскій вопросъ за другимъ и детально ихъ разрабатывать. Политическій сепаратизмъ былъ оставленъ въ сторонѣ, но послѣ ряда лѣтъ работы Ядринцева надъ сибирскими вопросами сепаратизмъ въ области взаимныхъ отношеній метрополіи и колоніи оказался проведеннымъ глубже и патріотизмъ колоніи сталъ лучше вооруженнымъ для борьбы съ эгоизмомъ метрополіи.

Самая главная нужда Сибири, къ удовлетворенію которой больше всего стремился Ядринцевъ, заключается въ установлениі правильныхъ взаимныхъ отношеній между метрополіей и колоніей. Отношенія между Европейской Россіей и Сибирью исторически установились такъ, что властная метрополія постоянно эксплуатировала покорную и безгласную колонію. Цѣнныя и негромоздкіе продукты Сибири, удобные къ вывозу, какъ соболи, золото, были обращены въ государственную регалію. Колонія обращена въ мѣсто ссылки для преступныхъ элементовъ Европейской Россіи; такимъ образомъ метрополія очищала себя отъ неудобныхъ членовъ за счетъ колоніи. Въ угоду московскимъ фабrikантамъ колонія обратилась въ рынокъ для потребленія московскихъ фабrikantovъ; конкуренція съ Москвой мѣстныхъ промышленниковъ была невозможна въ виду могущества московского капитала; конкуренція иностранцевъ устраивалась правительственными мѣрами; разрѣшенія порто-франко на

морскихъ берегахъ Сибири всегда вызывали отчаянные протесты московскихъ биржевиковъ; колонія остается вѣчно въ плачевномъ положеніи рынка сырья для Европейской Россіи, промышленность въ ней въ застоѣ. Правительство ни само не принимаетъ мѣръ къ устраненію наживательства московскихъ богачей на счетъ сибирского жителя, ни устраиваетъ на мѣстахъ колоніи органовъ, которые могли бы устранить или ослабить эту эксплоатацию. Край управляетъ чиновниками, присыпаемыми изъ Европейской Россіи и хотя для пополненія сибирской интеллигенціи уроженцами Сибири открыты технологической институтъ и два факультета университета, но и въ настоящее время верхніе слои сибирского общества чуть не сплошь состоять изъ пришлыхъ элементовъ; какъ низшіе слои сибирского общества правительство пополнило подонками общества Европейской Россіи, такъ и въ верхніе слои очо вливало элементы по большей части недоброкачественные. Аристократическія фамиліи высыпали въ Сибирь своихъ неудачныхъ сыновей, страдавшихъ идиотизмомъ или пьянствомъ или несносныхъ по буйному характеру, бреттеровъ, шулеровъ и т. п., предполагая, что въ такой отдаленной и невѣжественной провинціи эти дегенераты русской аристократіи будутъ терпимы и начальствомъ и обществомъ и если не сдѣлаютъ карьеры, то будутъ получать жалованье, ничего не дѣлая. Такіе *enfants terribles* назывались петербургскими фамиліями даже золотопромышленнымъ администраціямъ. Дефектные экземпляры перѣдко встрѣчались и между губернаторами; сиживали на губернаторскихъ мѣстахъ и подолгу сидѣли съ ума генералы, какъ, напримѣръ, Лохвицкій въ Якутскѣ или Зарянко въ Томскѣ.

Какъ Европейская Россія сбывала въ Сибирь бракъ своихъ мануфактурныхъ произведеній, такъ она колонизовала Сибирь забракованными жизнью людьми. И эти дары свои метрополія посыпала своей колоніи взамѣнъ того, что Сибирь отдавала ей или, по крайней мѣрѣ, продавала по принудительнымъ низкимъ цѣнамъ свои лучшіе товары: дорогое мясо и золото, а также и свои лучшія молодые силы. За отсутствіемъ высшихъ специальныхъ училищъ въ краѣ, сибирские молодые люди должны были уѣзжать учиться за тысячи верстъ въ университеты и институты Европейской Россіи — дефекты сибирской жизни, который въ настоящее время устраненъ только отчасти; и теперь еще сибирякиѣ будуть въ Европейскую Россію для изученія многихъ специальныхъ знаній, которыхъ высшая школа г. Томска не даетъ. Оставивъ родину въ молодые годы, не успѣвъ втянуться въ мѣстную общественную жизнь, молодые люди, очутившись въ чужой области, вовлекаются въ обще-

ственныи интересы новой среды, отъ оставленной родины отвыкаютъ и сродняются съ новой средой. Кромѣ того, ихъ приковываютъ къ новому мѣсту и лучшія культурныи условія жизни, и они остаются тамъ, не возвращаются на родину. Вслѣдствіе этого, Сибирь, выдѣляя въ ряды русской интеллигентіи своихъ питомцевъ, оставалась безъ образованныхъ слугъ для удовлетворенія своихъ потребностей и вместо своихъ собственныхъ сыновъ получала чиновниковъ, учителей, техниковъ, инженеровъ изъ Европейской Россіи. Вполнѣ будетъ справедливымъ сказать, что метрополія изъ природы мертвой и живой все свое дурное отправляла въ колонію, а все лучшее въ колоніи забирала себѣ.

Проработавъ болѣе десяти лѣтъ надъ сибирскими вопросами, Ядринцевъ всѣ свои взгляды на нужды Сибири и разрешенія сибирскихъ вопросовъ, къ какимъ онъ пришелъ, изложилъ въ своей книжкѣ „Сибирь, какъ колонія“, которая первымъ изданиемъ вышла въ 1882 г. Послѣ того прошло 25 лѣтъ. Главное все было сдѣлано Ядринцевымъ, который трудился надъ сибирскими вопросами почти одиноко, безъ видныхъ помощниковъ; послѣдующимъ поколѣніямъ предоставляется разработка подробностей.

Многообразныи нужды Сибири обобщаются одной идеей—уравненіе колоніи съ метрополіей во всѣхъ областяхъ жизни. Правительственный мѣры, искусственно подавляющія интересы колоніи въ угоду метрополіи, должны быть упразднены; противъ условій, исторически сложившихся въ ущербъ колоніи и къ выгодѣ метрополіи правительство должно принять покровительственныи для колоніи мѣры. Нѣкоторые шаги въ этомъ направлениіи были уже сдѣланы правительствомъ и нѣкоторые сибирскіе вопросы уже лишились той болѣзненнай остроты, которую они имѣли при жизни Ядринцева. Такъ, наприм., самый кричащиій вопросъ при Ядринцевѣ былъ вопросъ о ссылкѣ. Теперь ссылка отмѣнена, но отмѣнена не радикально; она осталась для преступленій противъ вѣры и для политическихъ преступленій. Такъ какъ разлагающее дѣйствіе людей, подвергающихся этой ограниченной ссылкѣ, направляется только на убѣжденія населенія, а на сибирскіе права развращающаго дѣйствія имѣть не могутъ, то Сибирь могла бы мириться съ этой ссылкой, но какъ бы то ни было это все таки для Сибири опасный precedentъ, который можетъ соблазнить правительство опять расширить ссылку. Эта возможность для правительства частично расширить ограниченную ссылку до сихъ поръ окончательно не устранена. Лазейку для этого представляютъ построенные въ Сибири тюрьмы для каторжныхъ работъ; правительство можетъ расширить тюрьму; наплывъ ссылочныхъ въ ка-

торгу въ сибирскія тюрьмы увеличится; по окончанію срока работы ссылаемые будуть, конечно, поселяемы въ Сибири. Поэтому ссылка и теперь виситъ Дамокловымъ мечемъ надъ Сибирью.

Другой больной вопросъ въ Сибири — абсентеизмъ молодежи. Какъ мѣру противъ этого зла Ядринцевъ пропагандировалъ въ сибирскомъ обществѣ идею объ открытии университета. И въ этомъ вопросѣ правительство пошло на встречу нуждамъ Сибири; оно открыло университетъ и, кромѣ того, технологической институтъ. Но такъ какъ сибирскій университетъ состоитъ только изъ двухъ факультетовъ и технологической институтъ не охватываетъ всѣхъ отраслей техники, то томскія высшія школы не могутъ снабжать Сибирь филологами, математиками, историками, натуралистами, агрономами, лѣсничими и т. д. и уроженцамъ Сибири за многими знаніями приходится уѣзжать въ Европейскую Россію. Въ одномъ Петербургѣ насчитывается до 500 сибиряковъ, учащихся въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ.

Третій крупный сибирскій вопросъ — экономическое порабощеніе Сибири московской мануфактурой — былъ менѣе другихъ затронуть Ядринцевымъ, такъ какъ онъ придерживался ученія соціалистовъ и не находилъ нужнымъ много отдавать вниманія вопросу, въ которомъ больше всего заинтересована была сибирская буржуазія. Это самый сложный, самый мудреный сибирскій вопросъ, способный вызвать партійныя разногласія, и для правительства наиболѣе трудно разрѣшимый. Отмѣна ссылки затруднялась только финансовыми соображеніями; съ прекращеніемъ ссылки надо было строить новые тюрьмы; въ обществѣ же метрополіи рѣшевіе этого вопроса въ пользу колоніи особенно сильного протesta не возбуждало; протестовало въ журналистикѣ только нѣсколько голосовъ во имя гуманности; эти журналисты отстаивали ссылку потому, что находили ее менѣе жестокимъ насилиемъ надъ человѣкомъ, чѣмъ одиночное заключеніе въ пенитанціарной тюрьмѣ. Правительство не придавало значенія этимъ заступникамъ за право метрополіи спускать общественные отбросы въ колонію; у него было одно затрудненіе — денежный расходъ. Другой вопросъ, открытое высшей школы въ колоніи тоже смущалъ правительство только вопросомъ о средствахъ. Тутъ требование сибирского населенія никакого протesta въ метрополіи не вызывало; много что два, три обскуранта подали свой голосъ противъ; большая часть общества метрополіи доброжелательно отнеслось къ рѣшенію правительства въ пользу Сибири.

Иной вопросъ улаженіе столкновенія экономическихъ интересовъ московской биржи и Сибири. Здѣсь затрагиваются карманы московскихъ биржевиковъ и промышленниковъ. всякая попытка рас-

положить голоса въ правительственныйхъ сферахъ въ пользу открытия порто-франко въ устьяхъ океаническихъ рѣкъ Сибири или уничтоженіе перелома желѣзнодорожнаго тарифа въ Челябинскѣ поднимаетъ на московской биржѣ и въ рядахъ аграріевъ и хлѣботорговцевъ ропотъ, который оказывается, понятно, гораздо могущественнѣе голосовъ гуманистовъ, протестовавшихъ противъ отмѣны ссылки, или обскурантовъ, кричавшихъ противъ сибирскаго университета.

Своекористіе метрополії проявилось и въ вопросѣ о поземельномъ фонѣ Сибири, который возникъ недавно въ связи съ вопросомъ о переселенцахъ. Когда Ядриццевъ начиналъ свою публицистическую дѣятельность въ шестидесятыхъ годахъ этотъ переселенческій вопросъ — четвертый крупный по счету изъ сибирскихъ вопросовъ — имѣлъ совсѣмъ другое значеніе. До шестидесятыхъ годовъ переселеніе въ Сибирь было ничтожно; крѣпостное право не давало крестьянамъ свободы переселенія; тогда населеніе въ Сибири было жидко, разстоянія между деревнями были большия, торговля сношенія были вялы, рѣки были мертвы и не оживлены судоходствомъ, города были немноголюдны; жidкость и разсѣянность населенія считались причиной, задерживающей успѣхи культуры въ Сибири. Отсутствіе переселеній, которыя могли бы сгустить населеніе въ Сибири, составляло печаль и заботу сибирскихъ патріотовъ того времени, и когда крѣпостное право пало и крестьянская масса двинулась въ Сибирь, сибирскіе патріоты радостно привѣтствовали начало новой колонизаціи. Но правительство стало принимать мѣры, чтобы сдерживать переселенческую волну; жандармы высаживали переселенцевъ изъ вагоновъ и возвращали назадъ. Сибиряки не сочувствовали этой политикѣ правительства, проводимой въ интересахъ аграріевъ и даже протестовали въ журналистикѣ. Позднѣе, когда переселенческая волна усилилась, отношеніе сибирской публицистики къ переселенческому движению измѣнилось; начались конфликты между старожилами и новоселами, появились жалобы на утѣсненіе въ землѣ и, наконецъ, выросъ вопросъ о правахъ и претензіяхъ на сибирскій поземельный фондъ. Оказывается, что вопросъ о сибирскомъ поземельномъ фонѣ заинтересовалъ русскихъ аграріевъ; политика метрополії, руководимая ея аграріями, думаетъ въ использованіи сибирскаго поземельнаго фонда найти рѣшеніе вопроса о малоземельѣ въ метрополії. Прежде правительство ставило переселенческому движению рогатки, скучило отпускать деньги въ пособіе переселенцамъ, дѣлало секретъ изъ этихъ ассигновокъ, чтобы не подзадорить крестьянъ къ переселенію, издавало книжки о Сибири, которая имѣла цѣлью тенденціознымъ описаниемъ страны расхолаживать крестьянъ, стремящихся въ Сибирь.

При новомъ курсѣ политики, наоборотъ, администрація муссируетъ переселеніе.

Справедливость требуетъ, чтобы при решеніи вопроса объ эксплуатациі сибирскаго поземельнаго фонда принимались въ расчетъ не одни интересы метрополіи, желающей снабдить землей безземельныхъ крестьянъ, ослабить земельную нужду въ метрополіи, уменьшить опасность погромовъ для аграріевъ, а также и интересы сибирскихъ старожиловъ, какъ русскихъ жителей Сибири, такъ и сибирскихъ инородцевъ. Непремѣнно долженъ быть выслушанъ по этому вопросу голосъ сибирского населенія, потому что въ будущемъ подъ создаваемыми новымъ положеніемъ условіями придется жить населенію колоніи, а не населенію метрополіи.

Въ Маріинскомъ уѣздѣ поселилась въ тайгѣ община старообрядцевъ; община состояла изъ людей, сошедшихся изъ разныхъ мѣстъ; они здѣсь жили по паспортамъ, не приписанные къ новому мѣсту жительства. Они построили деревеньку, расчистили тайгу подъ пашни и создали культурный уголокъ. Но явился чиновникъ, которому было поручено нарѣзать участки для переселенцевъ. Онъ проводить межи для новаго переселенческаго поселка и замежевывалъ въ надѣль этому поселку и всю ту землю, которую старообрядцы расчистили, удобрili и уже не разъ засѣвали, оставивъ въ ихъ пользованіи одинъ ихъ усадьбы. Вотъ точная копія той судьбы, которая постигаетъ инородческія племена въ ихъ столкновеніи съ переселенцами; разница только въ томъ, что исторія обезземленія инородцевъ разыгрывается въ грандіозныхъ размѣрахъ. То самое, что этотъ чиновникъ совершилъ надъ бѣдными старообрядцами, злой гений сибирскихъ инородцевъ совершаеть со всѣми инородческими племенами.

Инородцы, какъ стариные обитатели Сибири, считали всѣ сибирскія земли своимъ владѣніемъ. Частной земельной собственности не было. У бродячихъ инородцевъ, т.-е. у звѣроловческихъ племенъ не было понятія и о родовыхъ земляхъ; у скотоводовъ существовало понятіе о правѣ рода на землю; каждый родъ имѣлъ право на опредѣленныя зимовки и лѣтovки; перекочовки рода ограничивались извѣстнымъ пространствомъ, но и у скотоводовъ не было межевыхъ знаковъ. Явились русскіе. Правда, они тоже не принесли въ Сибирь институтъ частной поземельной собственности, а если и принесли, то очень поздно и притомъ въ небольшихъ размѣрахъ, но съ приходомъ русскихъ появились въ Сибири общинныя земли. Разница, внесенная русской колонизаціей, заключается, во-первыхъ, въ томъ, что участки общинныхъ земель, состоящіе изъ пашенныхъ земель, выгона и сѣнокосныхъ луговъ меныше, чѣмъ

при родовомъ землепользованіи, во-вторыхъ въ томъ, что границы участка точно оформлены межевыми знаками.

Исторія Сибири собственно есть исторія колонизації ея, т. е. исторія заселенія ея русскими, а исторія колонизації Сибири есть ни что иное, какъ исторія постепенного захвата русскими земель у инородцевъ. Сначала количество земли, захваченной русскими колонистами у инородцевъ, было, конечно, не велико, но съ годами оно постепенно увеличивалось съ постояннымъ ростомъ русской колонизації; а въ послѣднее время, когда притокъ русскихъ переселенцевъ внезапно усилился, захватъ инородческихъ земель сталъ принимать головокружительные размѣры. Значительная часть переселенцевъ селится въ районахъ, занятыхъ уже давно русскимъ племенемъ, и селясь между старожильскими селеніями, они тѣснятъ старожиловъ, но часть переселенцевъ надвигается также и на стойбища инородцевъ; они тѣснятъ киргизовъ, бурятъ въ Забайкальи, алтайцевъ въ Алтай, остыаковъ въ Тобольской и Томской губ. При столкновеніи съ этими двумя средами, съ средой инородческой и средой русскихъ старожиловъ, переселенцы встрѣчаютъ сопротивленіе не одинаковой силы. Въ районахъ, занятыхъ русскими старожилами, они натыкаются на межевые знаки, ограждающіе наѣмы селеній. У земель, занятыхъ подъ стойбища и пастибища кочевниковъ, межевыхъ знаковъ нѣтъ. Новоселы, селясь въ районѣ, занятомъ русскими старожилами, чувствуютъ, что они могутъ своего земельного конкурента, этого старожила потѣснить немножко, но сдвинуть его съ мѣста, прогнать не могутъ. Старожилы уменьшать разбросанность своихъ пашенъ, стянуть ихъ ближе къ своему селенію, приблизятся къ деревенскому порядку европейской Россіи, изъ пашни селенія образуютъ одно сплошное пахотное поле, окружающее деревню, но они не бросятъ своей деревни и не уйдутъ на другое мѣсто; правда, бывали такие случаи, что старожилы, при наплывѣ новоселовъ, переселялись даже не въ одиночку, а цѣлымъ селеніемъ въ другія мѣста, но эти случаи рѣдки. Въ инородческихъ же стойбищахъ, напротивъ, это общее правило. Палатка, въ которой живетъ кочевникъ и которую онъ еженедѣльно или ежемѣсячно переносить на новую землю, не можетъ внушить переселенцу мысль о томъ, что земля, на которой стояла вчера палатка, составляетъ такое же прочное достояніе этого кочевника, какъ и сама палатка. Русскій старожилъ потому менѣе уступчивъ, чѣмъ инородецъ, что ему не такъ то легко перенести свою избу на новое мѣсто, тогда какъ кочевникъ безъ особенного труда перемѣщаетъ свою палатку съ мѣста на мѣсто, и при напорѣ переселенцевъ удаляется въ болѣе отдаленные части страны. Такимъ

образомъ подъ конецъ оказывается, что вся территорія, которая когда то была занята инородцами, оказывается въ рукахъ русскихъ, а инородцы оказываются загнанными въ пустыню. Положеніе ихъ хуже, чѣмъ старообрядцевъ: тамъ чиновникъ все таки остановился передъ усадьбами; здѣсь нѣть никакого задерживающаго захватъ обстоятельства. Загнанные въ неудобныя для культуры части страны, инородцы бѣднѣютъ, страдаютъ отъ болѣзней и вымираютъ, нѣкоторые молча, безъ протеста, другіе издавая крикъ отчаянія въ родѣ, папримѣръ, телеграммы, которую нынѣшнимъ лѣтомъ послали министру внутреннихъ дѣлъ западныя дючины алтайцевъ, и смыслъ которой былъ: „Намъ нѣть мѣста на земномъ шарѣ“.

Разработкой перечисленныхъ пяти вопросовъ (отмѣна ссылки, университетскій вопросъ, защита отъ московской эксплоатации, вопросы переселенческій и инородческій) Ядринцевъ положилъ начало общественному самосознанію Сибири. Въ публицистикѣ Ядринцева впервые раздался голосъ Сибири, обращенный къ метрополіи. Въ настоящее время главная потребность Сибири усилить этотъ голосъ, сдѣлать его болѣе ощущительнымъ и внушительнымъ. Ядринцевъ дифференцировалъ чувство обще-русского патріотизма на чувство къ общему отечеству и на чувство къ своей области Сибири; его публицистическая дѣятельность не упразднила въ сердцахъ сибиряковъ общаго русского патріотизма, внутри этого патріотизма онъ только отпочковалъ новое чувство мѣстнаго патріотизма. Это мѣстное чувство Ядринцевъ воспитывалъ въ своихъ землякахъ посредствомъ критики отрицательныхъ сторонъ сибирской жизни. Нѣкоторыя изъ желаній Ядринцева исполнились, но много еще осталось впереди, и это составитъ работу слѣдующихъ поколѣній. Такъ какъ дѣло рукъ человѣческихъ несовершенно, то и въ будущемъ всегда найдутся отрицательные факты, и сибирскимъ поколѣніямъ предстоитъ много дѣла въ смыслѣ развитія культурнаго сепаратизма Сибири. Результаты, достигнутые сибирской публицистикой, состояли или въ устраниеніи дефектовъ сибирской жизни (отмѣна ссылки) или въ созданіи необходимыхъ для страны учрежденій (университетъ).

Ядринцевъ оставилъ слѣдующимъ поколѣніямъ не одни только образцы разрушительной критики сибирской жизни, но завѣщаѣ также руководящую идею созидательной дѣятельности. Онъ пропагандировалъ самостоятельность сибирского общества. Оно не должно только получать съ благодарностью новыя блага, оно должно само создавать новыя условія, само должно открывать полезныя учрежденія, само украшать сибирскую жизнь и стараться сдѣлать Сибирь не только для жизни спносной, но и соблазнительной. Онъ

быть не доволенъ такимъ положеніемъ, при которомъ прогрессивныя формы жизни проникаютъ въ Сибирь помимо воли и сознанія мѣстного общества; про такой прогрессъ онъ говорилъ, что это не прогрессъ, а эндосмозъ.

Для концентрированія творчества умственныхъ силъ сибирского общества могутъ служить два учрежденія: университетъ и органъ для законодательной работы (областная дума). На долю послѣдняго выпадаетъ практическое рѣшеніе памѣченныхъ жизнью сибирскихъ вопросовъ; автономная сибирская дума должна создать материальное благоенствіе Сибири, а университетъ ея духовную жизнь. Эти два учрежденія должны стремиться къ завершенію культурной независимости Сибири отъ метрополіи; они должны сдѣлаться цѣлью и любимыми дѣтищами сибирского общества, которое должно всѣ силы употребить, чтобы довести ихъ до возможно высшей степени процвѣтанія и могущества.

Но, чтобы университетъ дѣйствительно, сталъ душою сибирского общества нужно, чтобы онъ сдѣлался представителемъ всей науки во всемъ ея цѣломъ, а не представлять собою только половину науки, какъ Томскій университетъ, состоящей только изъ двухъ факультетовъ: медицинского и юридическаго, т. е. факультетовъ болѣе утилitarного характера. Факультеты же физико-математической и историко-филологической, т. е. факультеты, которые могутъ смягчить утилitarный характеръ университета и превратить его въ храмъ чистой науки, до сей поры еще не открыты. Вопросъ о двухъ факультетахъ уже поднять въ журналистикѣ, въ наказахъ депутатамъ въ Государственную Думу и въ министерствѣ народнаго просвѣщенія. Мотивомъ къ ходатайству объ открытии двухъ недостающихъ факультетовъ должны служить не столько практическія соображенія о нуждахъ среднеучебныхъ заведеній, сколько духовные нужды самого университета. Университетъ долженъ быть школой не только юношества, но всего общества въ данной области; онъ долженъ стать руководителемъ интеллигентныхъ силъ области, а для этого онъ долженъ стать храмомъ всесторонняго знанія, соотвѣтственно разностороннимъ духовнымъ запросамъ окружающей среды. Неполный университетъ не можетъ охватить всю жизнь области, а потому и связь его съ областью будетъ не полная и не прочная.

Идея о сибирской областной думѣ впервые была высказана на совѣщаніи пяти бюро пяти томскихъ просвѣтительныхъ и ученыхъ обществъ, занимавшихся обсужденіемъ вопросовъ о введеніи земскихъ учрежденій въ Сибири; пожеланіе учрежденія областной думы было вставлено въ проектъ положенія о введеніи земства, вырабо-

таниномъ на этомъ совѣщаніи. Та же мысль объ областной думѣ заявлена и въ основныхъ положеніяхъ „Сибирскаго областнаго союза“, который былъ организованъ въ Томскѣ одновременно съ земскими совѣщаніемъ. Позже эта идея вызвала обсужденіе этого вопроса въ сибирской прессѣ и между прочимъ въ „Сибирскихъ вопросахъ“, издаваемыхъ г. Сукачевымъ въ Петербургѣ. Она была затронута въ статьѣ П. А. Голубева „Томскій проектъ земскаго положенія для Сибири“ (Сиб. Вопр. 1905 г. № 1) и потомъ въ статьѣ редактора журнала П. М. Головачева: „Сибирская областная дума“ („Сиб. Вопр.“, 1907 г. № 14). Г. Головачевъ совершенно правильно утверждаетъ, что Государственная Дума тѣсна для того, чтобы представить въ себѣ все многообразіе интересовъ такой пестрой и по культурѣ и по языку страны, какъ Сибирь. Въ первую думу, кромѣ киргизъ, не было избрано ни одного инородца; былъ одинъ, но это не былъ настоящій инородецъ, а самый заправскій русскій крестьянинъ, числящийся въ административныхъ спискахъ въ званіи инородца. Не имѣли представителя ни сибирскіе татары, ни алтайцы, ни остыки, ни буряты и т. д. Во вторую думу попалъ одинъ алтаецъ, но опять не было ни остыка, ни самоѣда, ни тунгуса. И если бы законное право на представительство инородцевъ было бы удовлетворено, то что бы эти представители стали дѣлать въ Думѣ, которая вотъ уже въ третій разъ собирается обсуждать только общегосударственные вопросы. Ни въ первой, ни во второй Думѣ не обсуждался ни сибирскій вопросъ въ частности, ни вопросъ о русскихъ областяхъ вообще, и та часть сибирскихъ депутатовъ, которые вошли въ Дуду защищать не программу партій, какія существуютъ въ сибирскихъ городахъ среди городской интеллигенціи и въ болѣе низкихъ примыкающихъ къ ней городскихъ рядахъ, а интересы колоніи отъ натиска метрополіи, чувствовали себя въ Государственной Думѣ праздными зрителями и слушателями. Они чувствовали, что ихъ настоящее мѣсто не въ Государственной Думѣ, а въ областной; только въ этой послѣдней они могли бы обнаружить во всей полнотѣ свою работоспособность, и только обращаясь къ метрополіи изъ областной думы они могли бы заговорить внушительно.

Для разработки спеціальныхъ нуждъ Сибири необходимо учрежденіе сибирской областной думы, общей для всей Сибири. Въ отдѣльныхъ частяхъ Сибири, на которыхъ она расчленяется, должны быть учреждены болѣе мелкіе, болѣе или менѣе автономные органы. Такіе же органы необходимы и для инородческихъ племенъ, при чмъ интересы каждого племени должны быть объединены учрежденіемъ для каждого племени одной общей думы. Такъ, всѣ бурятскія

„въдомства“ и „степные думы“ должны быть объединены одной общей бурятской думой, Киргизы должны получить свою думу для цѣлаго киргизского народа; алтайскія дючини, разсѣянныя какъ въ Бийскомъ, такъ и Кузнецкомъ уѣздахъ, должны слиться въ лицѣ одной алтайской думы.

Въ доконституціонное время выразителемъ нуждъ Сибири была одна только журналистика. Въ Сибири не было даже земскаго представительства, и потому предъявлять свои нужды черезъ посредство представителей Сибирь не имѣла возможности. Со введеніемъ конституціи явилась возможность доводить свои желанія до всеобщаго свѣдѣнія посредствомъ наказовъ депутатамъ Государственной Думы. Пользуясь между прочимъ какъ пособиемъ, этими наказами можно составить слѣдующій перечень пожеланій, заявляемыхъ правительству сибирскимъ населеніемъ.

На первый планъ и журналистикой и пѣкоторыми наказами выдвигается дарование Сибири самаго широкаго самоуправлениія. Выдвигается требованіе учрежденія въ Сибири автономной областной думы съ соотвѣтствующими исполнительными органами и съ выданіемъ сибирскихъ финансъ изъ финансъ государственныхъ, съ предоставлениемъ этому областному парламенту завѣдывать всѣмъ хозяйствомъ колоніи. Областной думѣ должно быть передано завѣдываніе лѣснымъ, горнымъ и воднымъ богатствомъ области. Ей же передается распоряженіе поземельнымъ фондомъ Сибири. Аграрный вопросъ, такъ сильно волнующій метрополію, касается Сибири только рикшетомъ; существенно въ Сибири его пѣтъ. Сибирское крестьянство единодушно протестуетъ противъ разрѣшенія вопроса усиленнымъ переселеніемъ въ Сибирь; крестьяне боятся, что чрезмѣрное переселеніе создастъ въ Сибири малоземелье; областная интеллигенція, идя слѣдомъ за сибирскимъ крестьянствомъ, видоизмѣняетъ вопросъ въ вопросъ о томъ, кому вѣдать областнымъ земельнымъ фондомъ, центральному ли правительству или мѣстному самоуправлению, и склоняется къ рѣшенію въ послѣднемъ смыслѣ, или по крайней мѣрѣ требуетъ соглашенія центрального правительства съ мѣстными органами распоряженія народнымъ хозяйствомъ. Соотвѣтственно съ этимъ и переселенческое дѣло должно вестись съ участіемъ мѣстныхъ органовъ, за которыми въ этомъ случаѣ слѣдуетъ признать рѣшающій голосъ. Кабинетскія земли должны быть возвращены въ крестьянское пользованіе, относительно другой поземельной собственности, въ небольшихъ размѣрахъ существующей въ Сибири, вопросъ въ будущемъ долженъ быть решенъ областной думой. Земли и угодья, неразумно щедро розданныя прежнимъ государственнымъ режимомъ и ханжескими городскими управами

церквамъ, монастырямъ и архіерейскимъ домамъ, подлежать экспроприації и возвращенію къ прежнимъ владѣльцамъ. Чулымманскій монастырь въ Алтай долженъ быть лишенъ земельныхъ владѣній, которыхъ должны вновь поступить въ пользованіе мѣстныхъ инородцевъ. Равнымъ образомъ горячія воды въ долинѣ Тукки должны быть изъяты изъ владѣнія иркутского духовенства.

Всѣ искусственныя мѣры, придуманныя метрополіей къ тому, чтобы помѣшать стремленіямъ колоніи сравнять свою промышленность и торговлю съ метрополіей, необходимо упразднить, какъ, напримѣръ, челябинскій переломъ желѣзодорожного тарифа, учрежденный съ цѣлью воспрепятствовать сибирскому хлѣбу конкурировать съ хлѣбомъ метрополіи на всемирномъ рынке, или, напримѣръ, закрытие порто-франко на устьяхъ Оби и Енисея въ угоду владѣльцамъ русскихъ фабрикъ стеариновыхъ свѣчъ, опасающихся ввоза свѣчъ изъ Англіи. Сибири должно быть предоставлено право пользоваться извѣстнымъ процентомъ съ доходовъ государственной казны отъ золотопромышленности, съ таможеньемъ, устроенныхъ на сибирско-азіатской границѣ, и съ другихъ регалій и государственныхъ монополій.

Дальній востокъ Сибири, т.-е. амурско-приморскій край представляетъ аванпостъ Сибири противъ Японіи, онъ нуждается въ учрежденіяхъ, которыхъ обеспечили бы краю самый быстрый и вѣрный успѣхъ въ процвѣтаніи культуры. Поэтому дальній востокъ долженъ быть спабженъ политическими учрежденіями, болѣе свободными, чѣмъ остальная Сибирь.

По отношенію къ интересамъ сибирскихъ инородцевъ, учрежденіе областной думы выгодно, во-первыхъ, потому, что въ Государственной Думѣ трудно устроить представительство всѣхъ мелкихъ сибирскихъ племенъ, тогда какъ въ областной могутъ быть представлены и немноголюдная вымирающія племена, а это необходимо потому, что мелкія племена часто отличаются своеобразными условіями жизни и нуждаются въ неотложномъ разсмотрѣніи ихъ нуждъ подъ страхомъ скораго исчезновенія племени. Во-вторыхъ, интересы инородцевъ будутъ лучше ограждены, если надъ ними будутъ наблюдать двѣ думы, Государственная и областная, а не одна Государственная. Когда будетъ существовать областная дума, къ ней перейдетъ почти все народное хозяйство; въ сибирской областной думѣ большинство будетъ принадлежать русскому племени, и потому нужно ожидать, что въ случаѣахъ, гдѣ интересы инородцевъ столкнутся съ интересами русскихъ, русское большинство не всегда окажется на сторонѣ справедливости. Тогда инородцамъ представляется возможность апеллировать къ центральной думѣ, которая, не заинте-

ресурсованная въ эксплоатациі богатствъ, находящихся на территорії, занятой инородцами, такъ какъ все хозяйство колоніи отойдетъ къ областной думѣ, разрѣшить конфліктъ колоніи со своими инородцами въ пользу послѣднихъ. При отсутствіи же областной думы все народное хозяйство будетъ въ вѣдѣніи Государственной Думы, и та своеокрыстнала политика, которая пугаетъ въ будущей областной думѣ, сдѣлается возможной, вѣрнѣе сказать, сдѣлается неизбѣжной въ Государственной думѣ, по въ этомъ послѣднемъ случаѣ инородцы уже не будутъ имѣть защиты въ другой, поставленной выше, коллегіи.

Вторая важнѣйшая потребность Сибири— широкое распространеніе просвѣщенія. До японской войны Сибирь не имѣла международного значенія. Никому до нея не было дѣла, она жила въ углу, отгороженномъ со всѣхъ сторонъ. Съ одной стороны неприступный сѣверный океанъ, съ другой такою же неприступностью отличавшілся два государства, Китай и Японія со своею политикою закрытыхъ дверей, наконецъ, съ третьей— метрополія со своей дворянской политикой, которая смотрѣла на Сибирь, какъ на ненужный придатокъ къ имперіи, полезный только, какъ мѣсто, отведенное для государственныхъ отваловъ; Сибирь, писаль вѣкогда Сперанскій изъ Сибири, интересна только, какъ мѣсто ссылки и разработки нѣкоторыхъ полезныхъ ископаемыхъ. Острогъ и рудникъ— этимъ исчерпывается значеніе Сибири для Россіи. Мировая жизнь происходила на западѣ, Россія была обращена фронтомъ къ Европѣ, Сибирь находилась у нея въ тылу, огражденная своими неприступными границами, и лѣнивая русская политика думала, что можно безнаказанно держать Сибирь въ состояніи вѣчнаго жалкаго прозябанія, не пробуждая въ ней гражданской жизни и умственной самодѣятельности. Но японская война измѣнила положеніе вещей. Сибирь получила международное значеніе. Она предназначена играть роль буфера между Европейской Россіей и Японіей. Но для того, чтобы служить надежнымъ буферомъ, она должна преобразиться изъ безжизненного тѣла въ живой, дѣятельный организмъ, способный къ самозащѣтѣ. Такимъ можетъ его сдѣлать только широкое распространеніе просвѣщенія. Между тѣмъ, старый режимъ всѣ свои силы тратилъ на насильственную русификацію инородцевъ, а просвѣщеніе русской массы всѣми мѣрами задерживалось. Сибирь, какъ область, находившаяся въ тылу государства, менѣе всего пользовавшаяся заботами министерства народного просвѣщенія, оказывается теперь самой невѣжественной, самой малограмотной провинціей въ имперіи. Куломзинъ во время своего проѣзда черезъ Сибирь собралъ свѣдѣнія о народныхъ школахъ Си-

бири и представилъ докладъ о состояніи народнаго просвѣщенія въ ней. Докладъ былъ напечатанъ, но для распространенія въ публикѣ не допущенъ и остался секретомъ, доступнымъ только для государственныхъ людей высшаго ранга, какъ-будто печальное состояніе просвѣщенія Сибири можетъ быть оцѣнено и оплакано только ими одними. Въ числѣ характеризующихъ это положеніе фактовъ въ докладѣ указывается, что на цѣлую Енисейскую губернію изъ государственного казначейства отпускалось всего 900 рублей. Удивляться ли послѣ этого, что „руssкая Америка“ безграмотна.

Въ виду своего новаго положенія Сибирь должна употребить героическія усилія, чтобы наверстать потерянное время. Она должна затратить всѣ свои силы, чтобы умножить средства народнаго образования, покрыть Сибирь правильной непрерывной сѣтью сельскихъ школъ, а также, создать многочисленныя средства для вицѣшкольнаго образования, общества попеченія о начальномъ образованіи въ селахъ, развить систему сельскихъ библіотекъ, народныхъ чтеній въ деревняхъ и пр., учредить стипендіи при гимназіяхъ и высшихъ школахъ для крестьянскихъ дѣтей, словомъ направить всѣ свои силы къ тому, чтобы сдѣлать университетъ и вообще высшую школу учрежденіями, предназначеннymi для крестьянъ. Только когда сибирскій университетъ превратится въ „мужицкій университетъ“, только когда исполнится эта завѣтиная мечта Ядринцева, Сибирь получить свою подлинную интеллигенцію, неподвѣнно предданную интересамъ мѣстнаго населенія. Въ настоящее время въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ Сибири и въ ея высшей школѣ большинство учащихся—дѣти сибирскихъ чиновниковъ и купцовъ, а крестьянскихъ дѣтей ничтожный процентъ. Поэтому естественно, что высшая школа выпускаетъ очень мало сибирскихъ патріотовъ, ставящихъ себѣ въ обязанность служить сибирскому крестьянству. Необходимо создать условія, при которыхъ масса крестьянскихъ дѣтей проходила бы черезъ сибирскія среднія учебныя заведенія, чтобы юноши изъ деревень заполонили скамьи университета и вотъ только тогда Сибирь не будетъ имѣть предателей, а будетъ получать изъ высшей школы образованныхъ, безкорыстныхъ и непоколебимыхъ защитниковъ ея интересовъ, водушевленныхъ благородною любовью къ сибирскому крестьянству.

Высшая школа Сибири должна быть пополнена отдѣлами, которыхъ въ ней не достаетъ, такъ чтобы классификація наукъ, чистыхъ и прикладныхъ, была представлена въ ней во всю свою длину, безъ пробѣловъ, и въ первую голову должны быть открыты два философскихъ, отсутствующихъ въ Сибири факультета: физико-математический и историко-филологический.

Руссификаторскимъ мѣрамъ въ отношеніи сибирскихъ инородцевъ нужно положить конецъ. Православныя миссіи должны существовать исключительно на средства жертвователей, преданныхъ церкви; правительство должно быть освобождено отъ субсидирования духовныхъ миссій. На инородческихъ территоріяхъ должны быть основаны правительственные школы съ преподаваніемъ на инородческомъ языке; особенное вниманіе должно быть обращено на распространеніе образования инородческихъ женщинъ.

Для крупныхъ народностей, для киргизовъ и бурятъ должны быть основаны гимназіи съ преподаваніемъ на родномъ для дѣтей языке. Сибирской жизни нужно придать такой строй, чтобы всякое племя, какъ бы мало оно ни было, татары, буряты, остыаки, самоеды, имѣли бы шансы на общественное и культурное возрожденіе и самоопределение.

Учрежденіемъ областной думы и передачей въ ея завѣдываніе областныхъ финансъ будетъ достигаться уравненіе колоніи съ метрополіей въ области промышленности; учрежденіемъ обширной системы учебныхъ заведеній съ университетомъ во главѣ достигнется уравненіе съ метрополіей въ области просвѣщенія. Необходимо также не забыть и объ уравненіи колоніи съ метрополіей въ области судебныхъ учрежденій. Необходимо введеніе суда присяжныхъ, института выборныхъ судей и независимыхъ отъ администраціи судебныхъ слѣдователей, упраздненіе крестьянскихъ начальниковъ съ передачей ихъ судебныхъ функций судебной власти, а хозяйственныхъ земскому самоуправлению. Ссылка должна быть окончательно упразднена; для какихъ бы то ни было преступленій не должно быть исключеній; ссылка въ Сибирь за политическая дѣянія и за дѣянія противъ вѣры должна быть такъ же прекращена, какъ и за дѣянія уголовные. Тюрьмы сибирскія должны быть разсчитаны только на сибирскій процентъ преступниковъ; онъ не подлежать распределенію сообразно метрополіи.

Университетъ и областная дума должны создать новую Сибирь. Въ настоящее время Сибирь представляетъ безформенную массу, которая питается сокомъ европейской цивилизациі посредствомъ политического и культурного эндосмоза. Университетъ и областная дума должны оформить эту аморфную массу и оживить ее, обратить ее въ „критически мыслящій“ коллективный организмъ, преслѣдующій определенные цѣли, управляющій своимъ собственнымъ прогрессомъ.

Сибирское общество еще не организовано. Интересы русского населения Сибири за триста лѣтъ пребыванія его на новыхъ мѣстахъ обособились отъ интересовъ метрополіи, но это обособленіе сознано

немногими умами въ Сибири; инородческія племена не сдементированы съ русскимъ населеніемъ Сибири сознаніемъ общихъ интересовъ, которые объединяютъ всѣ части населенія, обитающаго въ Сибири. Въ Сибири образовались за послѣдніе два, три года политическая партія, по это отголоски политического броженія, происходящаго въ метрополіи; и въ Сибири процессъ образованія партій происходитъ только въ пришлой средѣ, образующей верхній слой сибирскаго общества. Въ Сибири есть соціаль-демократическая партія, но не только верхніе, а и нижніе ряды этой партіи составляются изъ желѣзнодорожныхъ рабочихъ, прибывшихъ въ Сибирь изъ метрополіи, и только тамъ, гдѣ есть большія желѣзнодорожныя мастерскія. Число адептовъ соціаль-демократического ученія среди народной массы въ Томскѣ значительно менѣе, чѣмъ въ Омскѣ, Красноярскѣ и Иркутскѣ, но только томскій составъ партіи можно назвать зародышемъ будущей дѣйствительпо сибирской соціаль-демократической партіи.

Опѣтъ организовать сибирское общество, объединить его на почвѣ мѣстныхъ интересовъ колоніи посредствомъ учрежденія „Областного сибирскаго союза“, сдѣланный въ Томскѣ въ 1905 г., оказался преждевременнымъ; часть сибирской интеллигенціи, состоящая изъ уроженцевъ Сибири, оказалась для этого слишкомъ малочисленною и разсѣянною по территоріи, а масса сибирского населения, огражденная отъ воздействиія интеллигенціи полицейскими мѣрами, не могла принять участія въ этомъ опѣтѣ, хотя идея союза должна бы встрѣтить въ ней сочувствие. Сепаратизмъ не чуждъ сибирскому крестьянству; но его сепаратизмъ не идейный, какъ сепаратизмъ сибирской интеллигенціи, а стихійный. Сибирскіе крестьяне отличаютъ себя отъ „рассейскихъ“, какъ они называются жителей метрополіи; случается имъ иногда относиться къ „рассейскимъ“ и враждебно, когда бываютъ столкновенія на почвѣ права собственности, напр., земельной, но они не обобщаютъ своихъ чувствъ и не возводятъ ихъ въ протестъ противъ метрополіи, какъ это дѣлаетъ сибирская интеллигенція. Сибирскимъ крестьянамъ еще чужда идея о сибирской областной думѣ и выраженіе „автономія Сибири“ вызоветъ въ сибирскомъ крестьянинѣ протестъ, потому что автономію онъ пока не можетъ иначе понять, какъ полное отдѣленіе отъ государства. У сибирского крестьянства нѣть стремленія къ политическому сепаратизму, а культурный — онъ можетъ смѣшать съ политическимъ. Это неумѣніе отличить культурный сепаратизмъ отъ политического и непониманіе значенія слова „автономія“, которое замѣчается даже и въ верхніхъ слояхъ городскаго населенія, есть явленіе только времени; въ будущемъ, съ

развитиемъ политической свободы, городскія массы и крестьянство примкнуть къ своей областной интеллигенціи.

Что можетъ ожидать Россія, если Сибирь будетъ обращена въ самоуправляющуюся колонію? Какіе результаты получатся для русской жизни вообще отъ примѣненія къ Сибири политической свободы, отъ свободного развитія соціальныхъ особенностей Сибири? Давно уже установлены главныя особенности Сибири: отсутствіе дворянства, крѣпостного права и традицій, которыя еще живутъ въ метрополіи. Сибирь—рай мужиковъ. Демократическій составъ сибирскаго общества заключалъ въ себѣ нѣкоторую угрозу дворянской политики, которая господствовала въ метрополіи, и потому правящіе классы Россіи косо смотрѣли на Сибирь. Страхъ, какъ бы на демократической почвѣ Сибири не пробудился демократическій духъ и не развился до импозантныхъ размѣровъ, заставлялъ власть урѣзывать сибирскую жизнь и затруднять свободное ея развитіе, отказывалъ въ удовлетвореніи ея назрѣвающихъ нуждъ. Идея сибирскаго университета встрѣтила протестъ со стороны столповъ дворянской партіи; и это понятно. Въ мужицкой области университетъ долженъ быть мужицкимъ. Ядринцевъ думалъ, что сибирскій университетъ силою вещей сдѣлается мужицкимъ, и когда однажды онъ это вы сказалъ въ разговорѣ съ Г. З. Елисѣевымъ, то этотъ демократъ-писатель сказалъ ему: „какъ же, позволять вамъ устроить мужицкій университетъ!“ И дѣйствительно, журналистъ дворянской партіи кн. Мещерскій поднялъ голосъ противъ учрежденія сибирскаго университета.

Въ той же дворянской политикѣ Сибирь встрѣчала помѣху и въ введеніи земскаго самоуправленія. Боялись, что дарованіе земскихъ учрежденій создастъ изъ Сибири такой же опасный примѣръ такого же быстраго развитія крестьянской массы, какой Россія уже имѣеть въ лицѣ вятскаго земства. Въ дворянской средѣ высказывалось опасеніе, какъ бы сибирское земство,—такъ какъ дворянскій надзоръ въ немъ будетъ отсутствовать,—не превратилось бы въ убѣжище оппозиціонныхъ силъ Россіи и всѣхъ недовольныхъ существующимъ режимомъ, и въ очагъ общей русской революціи. Тѣмъ болѣе господствующій классъ несочувственно относится къ мысли дарованія Сибири большей политической свободы, чѣмъ какая существуетъ въ метрополіи.

Конечно, демократическій кабинетъ, который, не долго ждать, долженъ встать во главѣ Россіи, отнесется къ Сибири иначе; онъ не только не замедлитъ введеніе самоуправленія въ Сибири, но и дастъ ихъ въ размѣрахъ, не стѣсняемыхъ временными условіями общественного строя метрополіи, потому что въ противномъ случаѣ

значить предоставить сибирскому обществу продолжать чувствовать себя въ положеніи человѣка, который долженъ итти въ гору, скованный наручными съ рахитикомъ. Опасности отъ дарованія Сибири широкой политической свободы не можетъ быть. Метрополія достаточно могущественна, чтобы во всякое время воспрепятствовать активному вмѣшательству колоніи во внутреннія дѣла метрополіи и ограничить дѣятельность колоніи только нравственной поддержкой демократическимъ элементамъ метрополіи.

Общественный бытъ Сибири еще не сложился въ опредѣленныя формы; онъ находится еще въ періодѣ броженія; какую кристаллическую форму приметъ ея бытъ — обѣ этомъ можно только гадать. Въ этомъ отношеніи интересно сравнить сибирское общество съ уральской казачьей общиной, которая также продуктъ творчества русской демократіи, какъ и Сибирь, продуктъ вольно-народной колонизаціи. Общинный духъ, проникающій жизнь великорусского племени, покрылъ лицо русской земли безконечнымъ числомъ земельныхъ общинъ, но ни одна изъ нихъ не достигла такого совершенства, такой кристаллизаціи, какъ уральская казачья община. Въ лицѣ ея мы имѣемъ общину съ населеніемъ въ 100.000 душъ обоего пола, съ территоріей въ 600 верстъ длиной, земли и угодья которой находятся въ нераздѣльномъ пользованіи всѣхъ этихъ ста тысячъ душъ, съ огромнымъ рыбнымъ богатствомъ рѣки, которое эксплуатируется общиной только въ полномъ сборѣ, а не въ разбивку, съ хозяйственнымъ управлениемъ, которое регулируетъ эксплуатацию природы, регламентируетъ рыбную ловлю, сѣнокошеніе, даже сборъ ягодъ, устраиваетъ коньюнктуры, благопріятныя для отдельныхъ лицъ и мѣшаетъ появленію капиталистическихъ парвеню. Уральская казачья община представляетъ замѣчательное созданіе руссконародного соціализма. Это шедевръ въ музѣѣ, въ которомъ собраны образчики творчества великорусского племени въ области соціальныхъ построеній.

Сибирь представляетъ полный контрастъ этой реликвіи русской общественности, реликвіи, которая является самымъ консервативнымъ общежитіемъ на Руси. Уральская казачья община — довершенная кристаллизаціонная форма. Сибирь — растворъ; ея кристаллизація въ отдаленномъ будущемъ. Великорусскій общинникъ, переваливъ черезъ Уралъ, не принесъ съ собой тогда же поземельной общинны; просторъ земли сдѣлалъ то, что русская община при переходѣ черезъ Уралъ разсыпалась. Изъ земледѣльца колLECTIVISTA сибирскій крестьянинъ обратился въ земледѣльца индивидуалиста. Кромѣ того, въ первое столѣтіе по занятію Сибири большинство колонистовъ занялось зѣроловствомъ; частью для этого промысла люди соединились въ

артели, и иногда въ значительныя артели, какъ это было на сѣверо-востокѣ Сибири (такъ называемыя „чуны“, отъ слова „чуны“ сани для перевозки припасовъ), но многіе уходили въ одиночку и—проводили по нѣскольку мѣсяцевъ въ тайгѣ, черни, или урманѣ, не имѣя общенія съ остальнымъ міромъ. Одинъ историческій памятникъ XVIII в. сохранилъ разсказъ о тарскомъ жителѣ, который удалился въ долину р. Убы въ Алтай, построилъ избу и прожилъ въ нейтральной пустынѣ этой долины, въ 200 верстахъ отъ ближайшаго русскаго селенія, около десяти лѣтъ, только временами прерывая свое одиночное заключеніе выходами въ деревню вупить соли. Такіе схимники звѣропромышленности, звѣроловы-молчальники и звѣроловы-столпники были несомнѣнно не рѣдкость въ старой Сибири. Индивидуализмъ сибирскихъ крестьянъ былъ давно отмѣченъ наблюдателями; кажется, впервые это подмѣтилъ наблюдательный глазъ Бакунина; по крайней мѣрѣ, я впервые это мнѣніе слышалъ отъ Бакунина въ концѣ пятидесятыхъ годовъ, когда встрѣтился съ нимъ въ Томскѣ. Съ тѣхъ порь эта аттестація сибирскаго крестьянина стала общимъ мѣстомъ.

Для развитія областного самосознанія уральская казачья община и Сибирь каждая имѣютъ свои выгоды и невыгоды. Уральская община имѣеть небольшую территорію (сравнительно съ Сибирью), это дало ей возможность жить плотнѣе и скорѣе кристаллизоваться. Населеніе общины, кромѣ того, объединяется сборами въ г. Уральскѣ для рыболовства, для наемки на полевую службу и т. д.; этихъ сборовъ бываетъ нѣсколько въ году. Вслѣдствіе этихъ сборовъ, члены общины пріобрѣтаютъ солидарность и вмѣстѣ съ тѣмъ сильнѣе воспитываются въ чувствѣ обособленности отъ остального русскаго міра. Уральскій сепаратизмъ сильнѣе сибирскаго. Въ противоположность этому Сибирь при своей громадной терраторіи сильно разбросана, солидарности между ея частями въ народной массѣ нѣть и объединеніе происходитъ только въ интеллигенціи, а не въ народной массѣ, какъ на Уралѣ. Но тѣ же небольшіе размѣры терраторіи или, что почти то же, небольшіе размѣры общины имѣютъ и свою невыгоду; община выдѣляетъ изъ себя интеллигенцію, молодые люди уѣзжаютъ въ университетскіе города для пріобрѣтенія знаній, получаютъ ихъ и становятся спеціалистами, по окончаніи же курса не находятъ на крошечной терраторіи своей общины примѣненія своихъ знаній; они размѣщаются по заводамъ, госпиталямъ и гимназіямъ въ уральской Россіи; вслѣдствіе этого община постоянно теряетъ самыхъ способныхъ своихъ членовъ. Община страдаетъ такимъ же абсентизмомъ свѣжихъ умственныхъ силъ, какъ и Сибирь, но послѣдняя въ этомъ отношеніи менѣе безнадежна. Больше размѣры Сибири

даютъ ей въ этомъ отношеніи преимущество; ранѣе и она теряла свои таланты, такие, напр., какъ Менделѣевъ, но съ открытиемъ университета и технологического института и съ развитиемъ промышленности терять она въ прежней мѣрѣ уже не будетъ. Менѣе благодѣтельствованная въ смыслѣ объединенія народной массы, Сибирь поставлена въ лучшія условія относительно объединенія интеллигентіи.

Взглядъ на Сибирь, какъ на среду, где русскій творческій духъ можетъ свободно развернуть свои крылья, не связанныя традиціями, которыми они были связаны въ метрополіи, нерѣдко подавалъ по-водѣ сравнивать Сибирь съ сѣверо-американскими штатами. Дѣйствительно, Сибирь по отношенію къ Европейской Россіи играетъ роль, до нѣкоторой степени сходную съ ролю штатовъ въ отношеніи Англіи,—конечно, исключительно въ области экономическихъ условій. Въ области же политики громадное несходство. Англійскіе колонисты сразу получили хорошія политическія учрежденія и вскорѣ развили небывалую въ свѣтѣ политическую свободу; можетъ быть поэтому они не развили своего искусства; нѣть американской школы живописи, американской музыки, американского театра; Америка пробавляется произведеніями искусства Западной Европы; въ Америкѣ искусство всегда было только предметомъ развлечений, а не средствомъ политической борьбы; оно въ этой службѣ искусства не нуждалось. Въ Европѣ искусство, какъ и наука, было орудіемъ, иногда скрытымъ орудіемъ, для завоеванія лучшихъ условій жизни. Такъ какъ въ жизни искусства Россія пошла по пути Европы, то и артистическая жизнь Сибири построится, вѣроятно, по европейскому типу.

Сходство же заключается въ томъ, что и англійскіе и русскіе колонисты нашли на новыхъ мѣстахъ земельный просторъ; въ Сибири, конечно, поземельный фондъ меньше, потому что значительная часть территории занята тундрой. Жизнь въ колоніи сдѣлала англичанъ болѣе выраженнымъ индивидуалистами, чѣмъ они были на старой родинѣ; въ томъ же смыслѣ Сибирь повліяла на русскихъ колонистовъ; русскій общинникъ превратился въ индивидуалиста, хотя, конечно, въ индивидуалиста въ русскомъ духѣ, у которого склонность къ коллективизму сохранилась въ скрытомъ видѣ; при наступленіи извѣстныхъ условій онъ опять становится коллективистомъ, какимъ былъ на родинѣ.

Какъ и американцамъ, развитію политической свободы въ русской колоніи также мало мѣшаютъ традиціи и внутренній составъ общества, и единственнымъ препятствиемъ къ завоеванію свободы служить только невѣжество народной массы, на которое опирается враждебная свободамъ власть.

Сибирь—подарокъ, который народная масса поднесла Россіи. Ее завоевалъ не генераль, не воевода, а атаманъ казачьей вольницы. Довершили завоеваніе тоже выходцы изъ народа, Поярковы, Похабовы, Хабаровы, Атласовы, и т. п. землепроходцы. Затѣмъ хлынула въ Сибирь „вольнонародная колонизація“. Правительство шло въ хвостѣ народнаго предпріятія. Воеводы являлись уже на насиженное атаманами завоевательныхъ ватагъ мѣсто. Правительственная колонизація также запоздала сравнительно съ вольнонародной. Въ этой послѣдней слились представители вольнополюбиваго сѣвера и вольнолюбиваго юга: казаки съ Волги и съ Дона. Южане господствовали, повидимому, въ верхнихъ слояхъ, они представляли боевой элементъ колонизаціи, играли выдающуюся роль въ городахъ и сообщали имъ конструкцію казачьяго круга, но главная масса колонизаціонной волны шла изъ прежнихъ народоправствъ, на что указываетъ патрѣчіе, которымъ говорить сибирское крестьянство. Въ этой колонизаціонной толпѣ былъ всякий народъ, были здоровые элементы, были и люди съ темнымъ прошлымъ, не только среди первыхъ, но и между вторыми было много людей съ общественной инициативой, съ организаторскими способностями, людей находчивыхъ и изобрѣтательныхъ.

Съ теченіемъ времени вольнонародная Сибирь смѣнилась воеводскою, хотя вольнонародная Сибирь сдалась не безъ борьбы; мѣстами города бунтовали противъ назлѣвшаго воеводы, хватали его, закрывали въ кандалы, бросали въ тюрьму, объявляли кругъ, избирали временное правительство, а въ Москву отписывали, что крамолу противъ царя истребили. Однако, воеводскій режимъ укрѣпился и потомъ перешелъ въ губернаторскій. На составѣ колонизаціи укрѣпленіе власти отразилось такъ; колонизированіе Сибири здоровыми элементами было совершенно прекращено, а колонизація темныхъ элементовъ усиlena.

Слѣдовало бы ожидать, что русскій народъ построить на новомъ мѣстѣ зданіе болѣе стройное, какое-нибудь усовершенствованное народоправство. Но онъ этого не сумѣлъ сдѣлать. Для того, чтобы сооружать жизнь на новыхъ началахъ, ему недоставало просвѣщенія, его отписки въ Москву показываютъ, какъ мизеренъ былъ политический цензъ, этихъ сибирскихъ quasi-республиканцевъ.

Строительная работа народной массы въ Сибири потерпѣла фiasco. И это вѣроятно потому, что масса не вполнѣ освободилась отъ традиціонныхъ вкусовъ. То, что она должна была сдѣлать, предстоитъ исполнить будущимъ поколѣніямъ Сибири, которыхъ будуть для этого вооружены и воспитаны лучше. Ихъ работа пойдетъ конечно, параллельно съ работой въ другихъ частяхъ государства

но имъ предстоитъ выдающаяся роль въ разработкѣ одной специальной идеи, выдвинутой современнымъ политическимъ броженiemъ Россіи,—идее объ автономіи областей. Идея эта зародилась, наиболѣе разработана и наиболѣе распространена въ областяхъ, гдѣ существуетъ национальный вопросъ. Въ центральныхъ областяхъ обширной Великороссіи этотъ вопросъ возникъ только въ самое послѣднее время; исключение составляетъ Сибирь, гдѣ онъ поднятъ значительно раньше. Въ центральныхъ областяхъ, очевидно, стремленіе къ автономіи не можетъ исходить изъ национального начала, а будетъ опираться на другое основаніе. Съ этой стороны Сибирь представляетъ большой интересъ; въ ея русской части нѣтъ национального вопроса, а потребность въ автономіи чувствуется сильнѣе, чѣмъ въ какой другой части Великороссіи. Поэтому Сибирь въ развитіи автономистскаго движенія въ великорусскихъ областяхъ будетъ передовыемъ застрѣльщикомъ.

39706